

хозяйство и малая предпринимательская деятельность были полностью экономически укреплены или либерализованы. В определенной степени происходила и приватизация, но она никогда не занимала центрального места. В некоторых сферах большое значение придавалось рыночному ценообразованию и индивидуальному принятию решений. Официально провозглашенная цель состояла в модернизации производства на основе рыночного социализма, без резкого массивного внедрения частной собственности» (Клейн, 1996, с.33).

Л.Клейн не только указал на китайский опыт как на альтернативный российскому, но и объяснил причины его успеха. Если свести оценку китайского опыта западными авторами к общему знаменателю, то таким как раз выступает соответствующая его условиям плано-рыночная модель экономики. Нам также не следует выбрасывать слов из песни и забывать, что именно в рамках планового хозяйства наша страна из отсталой превратилась во вторую сверхдержаву мира. Это, разумеется, ни в коем случае не предполагает возврата к советской модели централизованного планирования. Но в каком-то ином виде, в виде идущего снизу индикативного планирования только и представляется возможным обеспечение макроэкономической сбалансированности и стабильности.

При всех условиях для выхода из кризиса нам необходима активная политика государственного регулирования экономики. Итоги десяти лет показали как эту необходимость, так и то, что приватизация крупной собственности себя не оправдала. С ее помощью создан не класс эффективных предпринимателей, а губящих страну и экономику класс криминальных собственников. В рамках плано-рыночной экономики нам придется, во-первых, взять ориентацию на созидательное предпринимательство в лице государственного, малого и среднего бизнеса; во-вторых, восстановить государственную собственность на рентные и высокодоходные отрасли экономики и призвать на сцену ответственный менеджмент, способный на модернизацию и эффективное управление; в-третьих, пойти на чрезвычайные меры по чистке государственного аппарата от криминальных и коррумпированных элементов. Какими бы трудными ни были эти меры, ход развития не оставляет нам другого выбора.

Подводя итог сказанному, хотелось бы в заключение подчеркнуть две вещи. Во-первых, то, что без названных мною или других аналогичных мер наше сползание в группу отсталых стран предостеречь невозможно. Во-вторых, то, что сейчас нет готовой концепции нового этапа реформ в духе сказанного. Но ее начала содержаться в посткейнсианстве, старом институционализме, неомарксизме, неорикардизме плюс наш собственный опыт планового ведения хозяйства. Исходя из этих начал, нам надо разрабатывать собственную концепцию курса реформ и альтернативной неоклассической концепции курса экономической теории.

¹ Таблица и график составлены и рассчитаны по данным: Historical Statistic of The United States. NY, 1989.— P. 224. Statistical Abstract of the United States 1990.— P. 840. 1997. P. 838. 1999. P. 841. 2000.— P. 831; Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., 1967.— С. 30—31; Народное хозяйство СССР 1922—1982. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1982.— С. 9, 64—66; Народное хозяйство за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник.— М., 1987. С.8, 13, 654, 699; Российский статистический ежегодник.— М., 1997.— С. 695.

О.К. Цапиева

РОССИЯ В XX ВЕКЕ: КРУШЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА И ТУПИК КАПИТАЛИЗМА.

Конец XIX — начало XX века в России ознаменовался крупнейшим историческим сдвигом. Капитализм пришел в Россию как идеология модернизации и одновременно породил политическую силу, которая потребовала изменения социальных условий в свою пользу. Первым это понял и обосновал в своих работах Г.В. Плеханов. В этом плане он действительно «не только опередил русскую общественную мысль на целое десятилетие», но и «оказался пророком — ибо рабочий был той точкой опоры, куда должен быть приложен революционный рычаг»². Г.В. Плеханов стал пророком и в другом — он первый понял, что марксизм попал «в резонанс» с социальными и культурными процессами происходящими в тогдешнем российском обществе и сделал его идеологией нового поколения революционеров.

Российская империя в начале XX века оказалась наиболее слабым, в смысле социальной устойчивости, звеном в мировой системе капитализма. Острейшие социальные проти-

воречия нашли выход в Октябрьской революции 1917 года. Помимо всего прочего, историческая роль этого события заключалась и в том, что впервые стало ясно: капитализм не вечен, т.к. он не в состоянии разрешить главное противоречие своей системы — противоречие между экономической и социальной сторонами развития и воспроизводства.

Следующие после 1917 года события показали, что социализм достаточно успешно решает именно эту проблему на стадии индустриальной модернизации. После восстановления народного хозяйства от разрухи, причиненной годами первой мировой и гражданской войн, экономика России развивается небывало высокими темпами. В стране проводится индустриализация, развиваются базовые отрасли, по общему объему производства она выходит на второе место в мире, а по ряду направлений (космическая промышленность, атомная энергетика, военная техника) занимает лидирующее положение.

Значительные результаты достигаются и в социально-культурной области, обеспечивается всеобщее образование, широкое развитие получает бесплатное здравоохранение, развитие науки. Однако к 80-м годам развитие материальной и духовной культуры существенно замедляется. Социализм на этом этапе развития еще не оказался способным создать передовые технологические уклады во всех отраслях производства и дать гражданам потребительские возможности большие, чем капитализм высокоразвитых стран. В условиях развернувшейся НТР социалистическая экономика России, оказалась недостаточно восприимчивой к достижениям научно-технического прогресса. Появилась необходимость новой модернизации.

Модернизация в России конца XX века так же, как и в начале века, сопровождается сильнейшим цивилизационным кризисом. Кризис привел к краху социалистической системы и колоссальной потере значительной части накопленных в советский период производительных сил. Трагедия советского социалистического общества в этот период оказалась в том, что при наличии альтернативных вариантов, исторические события сложились именно таким образом.

Но если в период построения социализма модернизация была проведена весьма успешно, то этого невозможно сказать о капиталистической модернизации в России конца XX века.

При объективном рассмотрении положения современного успешного (в смысле обогащения) российского бизнеса окажется, что создание капиталистической, буржуазной экономики в классическом его понимании достаточно быстро приведет к его банкротству. Большинство нынешних капиталов возникло на базе монопольного положения и при нормальной рыночной конкуренции монополярная олигархия, которая хочет обогатиться как можно быстрее, но не научилась вкладывать деньги в производство — неизбежно потерпит крах.

Последнее время становится все более очевидным, что большинство частных собственников заинтересованы в сохранении своего монопольного положения: на рынке — не допуская конкуренции, в системе власти — через тесное слияние с государственными структурами, в политике — путем спонсирования политических решений в свою пользу. Поэтому «новая российская буржуазия» вовсе не стремится построить капиталистическую экономику.

Российская буржуазия, получившая необъятную власть, как и в начале XX века проявляет неспособность управлять страной в интересах развития ее производительных сил. Нынешний российский капитализм стал тупиком для страны. Перспективы развития экономики России не могут быть капиталистическими из-за неэффективности сложившейся модели.

Более того, можно сделать и другой вывод. Крах социализма в России показал и тупиковость современного западного капитализма.

Западный капитализм, почувствовав необходимость примирения экономической и социальной сторон своего развития под влиянием социалистической революции 1917 года, пошел на осуществление широких социальных программ. Социал-демократические партии Европы стали серьезной политической силой. Социальные реформы, приводя к перераспределению благ в обществе, становились важнейшим стабилизатором отношений в буржуазном обществе.

Однако с крахом социализма в России, положение коренным образом изменилось. Для современного западного общества характерными стали постоянные неудачи социал-демократических партий (яркий последний пример: выборы президента во Франции, когда социалист проиграл не только представителю буржуазной партии, но и крайнему националисту).

Практикой западной экономики стали постоянные уступки либерализму в ущерб проведения социальных программ.

Запад исчерпал возможности социализации и не нашел другого пути для дальнейшего повышения эффективности капиталистической системы. О том, что западный капитализм переживает тупиковый кризис, говорит тот факт, что место социального реформизма начал занимать радикализм, выражающийся в агрессивности (движение антиглобалистов), вспышках протеста, неприятия сложившихся институтов буржуазной власти (успех Лепена во Франции из этого ряда). Это первые буреветники, показывающие, что западный капитализм вступил в полосу острых социальных конфликтов с неясными последствиями.

Россия в XX веке сыграла глобальную роль. Советский социализм на протяжении всего века оказывал решающее влияние на путь развития цивилизованного мира. Гибель советского социализма может оказать не меньшее влияние и на перспективы капитализма в XXI веке.

Россия в XX веке не созрела для социализма (в этом Г.В. Плеханов оказался также прав), но и при капитализме жить она тоже не может. Возможно, в поисках своего дальнейшего пути, если, конечно, она найдет в себе новые социальные силы, Россия покажет миру неизвестные альтернативы исторических перспектив.

¹ Маслов П.П. Плеханов как экономист. — Экономическое обозрение, 1917. С. 75—76.

² Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М.: 1990. С. 436.

Б.Ф. Славин

КАКАЯ СТРАТЕГИЯ НУЖНА РОССИИ?

Что ждет страну впереди? Какая стратегия ей нужна? На эти вопросы до сих пор нет ответа, хотя колокол нового века уже звонит, предвещая момент исторического выбора. В этой связи представляет интерес проблема выбора Россией своего пути и стратегии ее возможного развития.

Прежде чем давать оценку стратегии президента Путина, ответим на фундаментальный вопрос: почему погибла предыдущая стратегия коммунистов и в критическом состоянии находится последовавшая за ней стратегия радикальных демократов ельцинской поры.

Говоря объективно, коммунистическая стратегия погибла потому, что при ее осуществлении не были решены, по меньшей мере, три основные задачи прогрессивного развития общества. Задача подъема производительных сил страны и роста производительности труда, которая могла бы дать реальную возможность в сфере экономики оставить позади наиболее развитые страны. Связанная с нею стратегическая задача обеспечения лучшей жизни народа. Наконец, коммунисты споткнулись на проблеме демократии. Вместо нее был создан режим сталинского тоталитаризма, фактически распотопавший глубоко демократические идеи революции о передаче заводов и фабрик рабочим, земли — крестьянам, власти — подлинно народным советам. Все это и привело к тому, что советская модель социализма сошла с исторической сцены.

На смену пришла иная модель, которую Запад пропагандировал, но сам не реализовывал. Эта модель «хайковского» нелиберализма, который противоречит не только условиям России, но и, по сути дела, кейнсианской модели самих Соединенных Штатов Америки. Видимо, по закону противоположностей именно модель хайковского нелиберализма была навязана радикальными демократами России, в результате чего мы оказались в очень плачевной ситуации.

В то время как весь цивилизованный мир встал на путь социализации и информатизации производства, усиления роли государства во всех сферах общества, мы пошли в обратную сторону — к отказу от социальности, к деиндустриализации и минимизации роли государства в обществе.

У многих людей ныне испарилась романтическая мечта о капиталистическом рае. Вспоминаю, как накануне гайдаровской либерализации цен один рабочий говорил: «Да мне не